

КИЕВСКИЕ ВЕДЬМЫ

ЛАДА ЛУЗИНА

КАМЕННАЯ ГОСТЬЯ

ХАРЬКОВ • ФОЛІО • 2011

Се ти?.. Ти упирицею прийшла, щоб з мене пити кров?

Леся Українка. Лісова пісня

астал час, и улица затихла, так, словно в мире и не существовало людей — быстрый снег стер следы ног и машин, окна домов стали черными, отражающими лишь темный лик Вечного Города. И мужской голос, услышать который могли лишь немногие, произнес ясно и четко:

— Скоро нас ждет еще одна смерть. Так некстати, прямо на праздник... — Мужчина говорил на древнегреческом.

— Он будет сам виноват в своей гибели, — ответил его собеседник на персидском. — Прошла тысяча лет, а люди все так же неосторожны. Все так же не мудры. — Второй мужчина взглянул на повисшую над его головою сову — символ мудрости. Та громко ухнула в ответ.

— И все же его можно спасти, — раздался с другой стороны убежденный в своей правоте голос женский.

— Нужно спасти, — сердобольно сказала Вторая женщина. — Достаточно того, что мы потеряли ее... Кто-то должен спасти его.

— Тот, кто полюбит, — вдохновенно сказала женщина Третья.

— Нет. Он погибнет, — безрадостно предрекла Четвертая. — Поверьте, я знаю жизнь.

Невесть отчего ее слова вызвали у пятерых тихий смех. Четвертая же убежденно завершила:

— Он все равно умрет.

— Неужели? — расстроилась сердобольная Вторая. — Она не осмелится...

— Осмелится, — сказала Четвертая. — Она поцелует его. А он умрет.

— Умрет, — печально подтвердил мужчина, говоривший на греческом.

— Умрет, — подтвердил второй, говоривший на персидском, и опять посмотрел на сову — птица молча захлопала крыльями, соглашаясь с ним.

— Он умрет так же, как и она, — мрачно пообещала Четвертая. — Все будет так же, как на то Рождество...

— Нужно предупредить его, — сказала Вторая.

— Поздно, — сказала Четвертая. — Смотрите... Уже.

Святой вечер... Святой вечер... Рождество. И в доме так чисто, и натертые до блеска полы пахнут мастикой, и сестра Ольга играет на пианино из «Рождественской ночи» Миколы Лысенко. Раньше они играли эту композицию в четыре руки. А теперь у нее нет руки — ее руки похожи на увядшие цветы — ненужные, выброшенные цветы, умирающие на дороге.

Скоро мать положит на стол белый как снег обрус, поставит кутю и узвар. Скоро загорится огнями рождественское деревце. И все будут поздравлять друг друга: «Со Святым вечером... Будем здоровы!» И особенно часто ее. И желать здоровья и счастья ей будут особенно радостно. Ведь все знают, что она скоро умрет, чувствуют, что ей не дожить до другого Счастливого Рождества...

«Святой вечер, добрый вечер, добрым людям на здоровье», — скоро-скоро запоют за окном. Так же будут петь и через год, но уже без нее. Потому что она нездорова... Или она — просто не добрый человек? Потому никогда не любила Рождество, как другие. Каждый раз, когда кто-то говорил: «Скоро Святой вечер...», она вспоминала одно — больницу и боль. Операционный стол. Горящие под потолком холодные белые шары. Мигающий снег и белый Ботанический сад за узорным стеклом. Мертвый сад, мертвый Город. И маленькую еловую веточку в прозрачном стакане — ее поставила на тумбочку возле кровати добрая сестра милосердия. Сестра дала ей ангела с головкой из лаковой бумаги и сказала: «Скоро святой Николай. Молись, он помогает всем добрым детям. А потом будет Святой вечер...». Но ее не радовал ангел, и святой Николай не помог. Было больно... И душа наполнялась темнотой. Душа впитывала черную боль, как губка. Застарелая боль походила на темную запекшуюся кровь, новая, яркая — расплывалась в воздухе алым закатом. Алое солнце запуталось в ветвях Ботанического сада. Мир был красным от боли, похожим на ад.

В этот Город ее привезли, чтобы причинить ей лишь боль. Там, в больнице, ей было всего 10 лет. А сейчас 25... Будто кто-то отрезал ножом четверть века и решил: хватит с нее. Хватит, действительно хватит. Хватит уже этой боли. Больше она не видела почти ничего, запертая в четырехстенной темнице, прикованная к постели. Зима, Святки были для нее лишь стеклом с серебристым морозным рисунком. Любовь, молодость — только чужим радостным смехом на улице. Всё, чем прекрасна человеческая жизнь, существовало для нее только там, за окном. Ей судилось умереть, не узнав любви, не познав ни одного поцелуя, лишь бесплодно мечтая о нем...

Она знала, что умирает. Знала, что смерть принесет с собой новые волны боли, и душа, запекаясь от старых ран, сжималась

в предчувствии ее. Душа умирала, не желая снова страдать. Душа каменела... И ей казалось: сама она давно стала камнем. Она знала: быть камнем намного проще...

Она не знала одного — ее смерть будет лишь новым рождением на свет.

— Уже, — сказала Четвертая женщина.

И остальные разом замолчали — на безлюдной улице Города появились два пешехода.

Хоть эта поздняя пара не могла их услышать, а кабы и могла — не услышала. Парень был пьян и по сей скорбной причине говорил очень громко, почти кричал, сам не замечая того. Девушка по той же причине отвечала ему на повышенных тонах:

— Ты обещал мне! Обещал!

— Я совершенно трезв, — заверил он, хватаясь за ближайшую стену.

— Ты пьяный...

— Нет.

— Да!

— Нет... И вообще, я тебя люблю!

— Нет, не любишь!

— Ты что?... Да я за тебя что угодно. Голову отдам за тебя... Вот эту голову хочешь?

— Эту не хочу.

— Тогда какую тебе? — опешил парень.

Но его спутница не успела определиться с желаемой головой — пьяный забыл про нее, замер, открыл рот, расширил глаза, поспешно и безуспешно пытаясь навести резкость.

По стене дома напротив ползло существо. Оно было похоже на человека, но не было им — даже скалолазы не пол-

зают так — существо двигалось по вертикальной поверхности с вихляющим проворством черной ящерицы. Огромной ящерицы... или маленького дракона, неприятно похожего на человека.

— Видишь... видишь... — вскрикнул парень.

Внезапно его плечи и ноги охватил серый страх. Что-то ужасное, невыносимое было в движении этого человекоподобного зверя, в неумолимости черной тени, ползущей... куда?

«Куда он ползет?»

— Что? — мельком взглянула девушка. — Там ничего нет...

— Оно ползет по стене... к кому-то в окно... Оно — есть! — внутри у парня стало нестерпимо — холодно-холодно.

— Пить надо меньше! Пойдем. — Девушка дернула его за рукав.

— Подожди... я хочу увидеть к кому. Нужно предупредить его!

— Не нужно!

Девушка, высокая, статная, встала перед ним, ее лицо, рассерженное и одновременно устало-отчаянное перекрыло ему дом напротив, запоздалое раскаяние, жалость к ней — перекрыли прочие чувства...

— Котик, прости меня, — завел он, как-то сразу забывая про тень. — Все! Последний раз... Обещаю!

— Сколько раз ты мне уже обещал?

Или ему просто хотелось забыть, заслонить лизнувший нутро темный страх чем-то живым и теплым, пусть и кричащим, рассерженным. Страх внутри растаял, как случайно проглоченная хрустальная льдинка. Сглотнув обиду, девушка взяла парня под руку.

— Ладно, пошли домой... Сможешь идти?

Черная тень скользнула в окно.